

А. Е. ФЕРСМАН

Владимир Иванович Вернадский

(Общий облик ученого и мыслителя)

Прошлое научной мысли рисуется нам каждый раз в совершенно иной и новой перспективе.

В. И. Вернадский, 1908

История науки является орудием достижения нового.

В. И. Вернадский, 1927

Величайшие достижения научной мысли неизбежно отражаются уже сейчас на новой культуре человечества; они отражаются на его жизни, его идеалах, на его быте.

В. И. Вернадский, 1927

Весь длинный жизненный путь 82 лет — путь упорного труда и яркой творческой мысли, путь, открывавший целые новые области в науке и наметивший новые пути естествознания в России, — таков творческий путь В. И. Вернадского, крупнейшего естествоиспытателя последнего времени.

Десятками, целыми столетиями будут углубляться и изучаться эти гениальные жизненные идеи, открываться новые страницы, служащие источником новых исканий; многим поколениям придется учиться его острой, упорной и отчеканенной, творческой мысли, всегда гениальной, но иногда труднопонимаемой. И вам, молодым поколениям, на всю вашу долгую жизнь он будет служить учителем в науке и ярким образцом жизненного пути.

Еще стоит передо мной его прекрасный облик — простой, спокойный, ученый мыслитель; прекрасные, ясные, то веселые, то вдумчивые, но всегда лучистые, красивые его глаза; несколько

быстрая и нервная походка, красивая седая голова учителя, облик человека редкой чистоты и красоты, которые сквозили в каждом его слове, в каждом движении и поступке.

Еще не время углубиться в его огромный архив и многочисленные записи его биографии; еще много лет придется поработать и его ученикам, и историкам естествознания, чтобы выявить основные пути его научного творчества, разгадать сложные, еще не понятые построения его текста. Эта задача лежит на будущих поколениях...

На меня ложится гораздо более скромная задача — нарисовать пока лишь отдельные звенья этого творческого пути, дать канву для будущего биографа. Ведь более 40 лет совместной научной работы и мысли связывали меня с Владимиром Ивановичем, начиная с первых студенческих воспоминаний о Московском университете и кончая совместной работой в Академии наук СССР.

Много совместных поездок и экспедиций связали меня с ним: мы были вместе на Урале, на Алтае, в Забайкалье, под Москвой, в Хибинах, в Крыму. А на Западе — в Париже, Гейдельберге, Праге, Берлине, Вене и в северной Италии.

Что может быть прекраснее и ярче этих жизненных воспоминаний о любимом учителе, прекрасном учителе; для меня это всегда будут лучшие годы и лучшие дни жизни. Я горжусь тем, что мог жить около него и работать под его творческим дыханием. Но об этих картинах прошлого я буду говорить позднее. Сейчас мне нужно нарисовать перед вами жизненный путь Владимира Ивановича.

Сначала — отдельные яркие факты прошлого — не формальный путь крупнейшего русского ученого, а отдельные картины на фоне истории нашей науки и нашей страны, потом — отдельные моменты его творческих порывов и замыслов, его огромное научное наследство, его роль для будущих путей естествознания, наконец, самый облик В. И. как человека, крупнейшего мыслителя, творца новых научных течений, государственного деятеля и гражданина Советской страны.

Таков будет ход моего изложения. Передо мной должна пройти история нашей минералогической науки за последние годы — целых столетия в истории русского естествознания. Но, как учил Владимир Иванович, прежде всего «сначала факты, точные, проверенные, изученные и хронологически во времени и закономерно сопоставленные». С этих фактов я начну свое изложение.

1. В. И. ВЕРНАДСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И МЫСЛИТЕЛЬ

Нет никакого сомнения, что Владимир Иванович — крупнейший и своеобразный исследователь и естествоиспытатель живой и мертвой природы, творец новых научных течений, реформатор и создатель русской минералогии и мировой геохимии. Он напечатал за 60 лет своей научной работы около 400 научных трудов, причем сюда входят как крупные научные монографии и учебники, так и научные статьи в журналах. За исключением нескольких отдельных сборников, В. И. не перепечатывал свои труды и не переиздавал их.

Точной библиографии В. И. еще нет¹, но, вообще, можно разместить его работы следующим образом:

Минералогия	30 %	}	33 %
Биогеохимия	17 %		
Геохимия	16 %		
Радиоактивность	12 %		
Общие вопросы науки	12 %	(в том числе работы по высшей школе)	
Кристаллография	7 %		
Почвоведение	3 %		
Полезные ископаемые	3 %		
100 % .			

В основном работы В. И. напечатаны на русском языке, но, владея многими языками, в частности французским, немецким, английским, польским, чешским, скандинавскими, языками балканских народов, он в ряде случаев печатал свои статьи на многих иностранных языках. Особенно охотно он перепечатывал свои работы на чешском языке. Интересно отметить, что его «Основы кристаллографии» были напечатаны в Праге в 1904 г. и сделались прекрасным учебником для студентов Карлова университета².

Благодаря огромному значению его отдельных работ, последние, нередко даже без его разрешения, перепечатывались с русского языка на другие. Таким образом появился целый ряд интересных текстов на испанском, итальянском, японском, санскритском языках и на некоторых языках славянских народов³.

Особую роль в истории науки сыграло издание на русском (2 издания), французском, немецком и японском языках его классической «Геохимии», которая, по существу, определила путь этой науки во всем мире. Однако многие из его классических трудов сейчас являются библиографической редкостью. Это от-

носятся прежде всего к тем классическим работам, которые нужно было бы скорее переиздать для нашей молодежи:

- «О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах», 1891;
- «Основы кристаллографии», 1902 (1 том);
- «Парагенезис химических элементов в земной коре», 1909;
- «История минералов земной коры», 1927 (особенно 1 том);
- «Биосфера», 1926;
- «Задачи минералогии в нашей стране», 1928 (из журнала «Природа») ⁴;
- «Проблемы биогеохимии», вып. 2, 1939.

2. В. И. ВЕРНАДСКИЙ КАК ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

Таков чисто формальный перечень научных трудов В. И., но наравне с блестящим научным творчеством В. И. был замечательным организатором науки, автором не только новых идей, но и многих новых начинаний. Он академик Академии наук СССР, действительный член Украинской академии наук — первый ее президент и организатор, организатор и первый ректор Таврического крымского университета, многолетний профессор Московского университета, блестящий руководитель Ученого комитета Министерства земледелия и т. д.

Но особую роль сыграл В. И. в создании отдельных крупных научных институтов Академии наук. Он организатор и многолетний руководитель Радиевого института АН, Минералогического музея АН, Комиссии производительных сил (КЕПС), наконец, Биогеохимической лаборатории, превращаемой в специальную лабораторию, а позднее в Институт геохимических проблем.

Мы не можем даже перечислить всех блестящих начинаний, выдвинутых В. И. Вспомним, что он явился вместе с М. И. Сумгиным организатором Института мерзлотоведения, что он много лет работал над созданием и укреплением Комиссии по истории знания, которую сейчас заменил Институт по истории естествознания АН; много лет он был руководителем Комитета по метеоритам. Его живой ум всегда искал новых людей и новых начинаний. Им вместе с А. П. Павловым была создана в Академии наук Комиссия по изучению четвертичного периода, согласно предложению Второго Всесоюзного геологического съезда в Киеве в 1925 г., на котором В. И. председательствовал.

Таковы же были его блестящие идеи о создании в Академии наук специального Ломоносовского института как центра, сочетающего минералогию, физику и химию на новых путях совре-

менной науки, об организации при Академии наук русской «Минервы» для учета и объединения научных сил в Союзе. Он мечтал и писал о необходимости организации Антарктической экспедиции в Союзе, считал, что русская наука должна широко охватить живыми ростками и южные страны земного полушария.

Эта блестящая деятельность связана была не только с замечательным организаторским талантом В. И., но и с его глубокими познаниями в ряде областей науки: минералогии, геохимии, биогеохимии, биологии, почвоведении, геологии, химии, физике, кристаллографии, энергетике, радиологии, радиогеологии, гидрологии, картографии, истории науки и философии и т. д. и т. д. Это разнообразие творческой мысли сочеталось у него с редчайшей глубиной анализа.

В одном из своих писем ко мне из Карлсбада (Карловы Вары) в 1934 г. он писал: «Вот все мое научное прошлое оживает: работы и мечты, не выполненные во многом, — о структурной химии алюмосиликатов, воспоминание об экспериментальной работе в Париже у Ле Шателье и Фукэ; затем увлечение полиморфизмом — мало сделанное, только начатое и отложенное до лучших времен, когда я вновь ушел в новый мир в начале века, в минералогия как динамическую научную дисциплину, а затем в геохимию».

Воспоминания о «пережитом и передуманном» ставили перед В. И. все новые и новые задачи. Он говорил, что ему хочется перед смертью пересмотреть все это прошлое — пережитое и передуманное... Сейчас эта задача легла на его учеников.

3. В. И. ВЕРНАДСКИЙ КАК НАТУРАЛИСТ И ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ

Продолжая очерк жизненного пути В. И., мы не можем не описать несколько подробнее всю широту охвата В. И. Вернадским изучения различных стран и народов и их природы. Посещения им самых разнообразных областей Америки, Европы и Азии показывали его исключительную подвижность и широту географического и исторического подхода, хотя сам по себе В. И. не очень любил слово «география», вкладывая в его содержание чисто описательное знание нашей природы.

Начиная с Гумбольдта, он считал, что чисто описательный подход не отвечает глубине ставящихся проблем природы. Сам В. И. по типу своего мышления гораздо ближе был к уму Гете,

чем к Канту и Менделееву. И даже замечательный «Космос» Александра Гумбольдта не давал его душе того понимания, которое вкладывалось в понимание природы естествоиспытателями XVII века. Он считал его поверхностным.

Я попытался собрать список всех стран и всех экспедиций, в которых он бывал и принимал участие и в которые он всегда вносил живую мысль. Как увлекающийся человек, он очень быстро, иногда совершенно неожиданно «снимался» с места и ехал туда, куда его увлекали интересы его работы. Он не боялся при этом новизны впечатлений, новых поставленных задач, наоборот, он углубленно продолжал как бы ход своей мысли, начатой в своем труде.

Во всех своих многочисленных поездках В. И. являлся не только натуралистом-естествоиспытателем, но и историком, интересовавшимся самой жизнью и самим человеком. Его поездки были для него орудием понимания человеческой мысли. В них он своим прозорливым глазом учился понимать человека. Как естествоиспытатель, он очень глубоко, иногда своеобразно наблюдал и понимал природу явления. Как историк, он очень глубоко проникал в исторический путь человеческой мысли. Как социолог, он захватывал живую мысль человека и опережал выражение ее словами его собеседников.

В международных съездах, совещаниях В. И. прислушивался к чужим словам, хотя внешне казалось, что он даже не слушает и как бы продолжает свою собственную мысль.

Сложная, богатая жизнь его в основном была связана с Ленинградом, Москвой и Киевом, но, пожалуй, больше всего творческой любви и мысли он отдал Москве, где окрепли его научные учения, где возникла его яркая и могучая фигура мыслителя, творца и борца за жизнь.

В России В. И. больше всего любил юг, прекрасную Украину, простор Днепра, берега заповедника под Киевом, где он часто работал, Крым с геохимическими проблемами Черного и Азовского морей; радиоактивные экспедиции увлекали его на побережье Кавказа и в горные массивы Армении, в Среднюю Азию с тогда еще загадочными радиевыми рудами Ферганы (1911), в Забайкалье с мягкими увалами и сопками Селенгинской Даурии (1914), на Алтай с его предгорьями рудных районов от истоков Иртыша до Омска (1916) и, наконец, на Урал — от северных хребтов до южных районов, где в ковыльных степях Санарки он собирал золотистые зернышки монацита, где в дивных Ильменских горах начались его ранние экспедиции, где в труднодоступной тайге Среднего Урала по грязным дорогам разбитых

трактов он проникал в знаменитые пегматитовые районы Липовки и Мурзинки.

Он любил спокойную природу Средней России. Охотно, с увлечением экскурсировал под Москвой и одновременно с этим следил за развитием белорусского народа, а в первые годы увлечения Севером он дважды посетил Кольский полуостров — Мурманск и Кировск, где его привлекали вопросы северных морей и красоты науки и хозяйства в новых центрах Хибин.

Перед своей смертью, в годы войны, В. И. провел почти три года в Восточном Казахстане, в Боровом, где одновременно с продолжением своих работ он приглядывался к интересному гранитному ландшафту и своеобразным горным озерам Казахстана (июнь 1941 по 1944)⁵.

Но еще шире разворачивается картина поездок и экспедиций В. И. за пределами нашего Союза. Как в самом начале своей научной работы, так и в годы расцвета своего научного творчества В. И. любил два крупнейших центра Европы — Париж и Прагу. В них он жил целыми годами, спокойно подготавливая свои труды, создавая свою знаменитую «Геохимию» в Париже и свои новые проблемы биогеохимии в Праге. В. И. любил окунуться в живую обстановку научной работы этих двух крупнейших центров Европы, и в тишине своей пражской квартирки с маленькими комнатками, на окраине чехословацкой столицы, он интересовался и следил за развитием славянских идей и за клокочущей жизнью французского народа.

На Международном конгрессе⁶ в США и Канаде в 1913 г. он глубоко наблюдал и с интересом следил за своеобразным развитием американской жизни и на много лет у него сохранились любовь и глубокий интерес к энергичным и живым ученым Западного континента.

Но более разнообразными были его наблюдения в различных странах Европы, начиная с юношеских дней и кончая последней поездкой в Чехословакию и Англию⁷. Швеция, Дания, Финляндия, Голландия, Норвегия (1907), Бельгия, Германия (особенно Лейпциг, Берлин, Геттинген, Гейдельберг, Мюнстер, Мюнхен), Австрия (Вена и Зальцкаммергут), Швейцария — таковы многочисленные поездки в страны Северной и Центральной Европы.

Но больше увлечения и настоящей души он вкладывал в изучение прекрасных и любимых им стран, особенно Франции, которую он знал от берегов Нормандии и угольных копей районов севера до центральных районов Пюи-де-Дом и побережья Средиземного моря.

Горячо любил он и Италию, где имел много друзей в Риме, Неаполе и в Сицилии. С огромным интересом он экскурсировал в области Везувия и Флегрейских полей. С интересом вспоминал свои многочисленные поездки, особенно в молодости, в Грецию, где его увлекал античный мир, в Югославию с прекрасным побережьем Адриатики и в другие Балканские страны.

Много лет и много прекрасных дней провел В. И. в Чехословакии, в районах Карловых Вар (Карлсбада), где он продумывал свои замечательные работы по минеральным водам, где, при всем своем глубоком уважении к великому Зюссу, он вместе с тем искал новые пути для понимания горячих источников Богемского массива. Здесь в районе Брно он глубоко интересовался пещерами Мацохи, любовно входил в залы прекрасного чешского Национального музея в Праге, а проездом всегда, хотя бы несколько часов, любовался Венским естественно-историческим музеем, обдумывая свои минералогические идеи и отмечая своеобразие и красоты природных линий и законов мироздания, открывавшиеся перед ним в дивных залах знаменитого музея.

Всюду и всегда В. И. увлекали интересы славянских народов. Во время проезда из России в Чехословакию или Германию он всегда проводил несколько дней в Варшаве или Кракове, осматривая музеи, знакомясь со старой польской культурой, просматривая новую литературу и старые фолианты крупных мыслителей старой Польши.

Таков далеко не полный список поездок и экспедиций В. И. за многие годы. Для В. И. это была живая научная мысль, бодрящая мысль, которая всегда его увлекала и которая как магнит всегда притягивала к нему людей.

В. И. замечательный натуралист, для которого ни кабинет, ни даже лаборатория, а сама природа была учителем и творцом новых идей.

Для вас, молодых ученых, это школа естествоиспытателей, которой надо учиться у него. Надо чувствовать природу, любить ее, как любил В. И. Вернадский; любил он ее умом и мыслью, хотя ее красоты были ему также понятны.

4. В.И.ВЕРНАДСКИЙ КАК ИСТОРИК ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Нет никакого сомнения, что В. И. сыграл огромную роль как историк науки, как естествоиспытатель, который всегда ставил исторический принцип и исторический метод в основу своей науки.

Идя по этим путям, по путям еще своего отца, широко образованного социолога и историка, В. И. всегда подходил к каждому явлению прежде всего с точки зрения точного исторического анализа. И каким бы ни был его трактат или описание, он всегда начинал изложение с истории вопроса. И от нас, своих учеников, В. И. требовал глубокого освещения истории вопроса, и требовал он это не формально, а фактически, требовал понимания хода мысли и творчества. Его работы в числе 30 отдельных исторических очерков полны глубокого исторического понимания науки.

Назовем основные его работы в этом направлении, прежде всего прекрасные библиографические очерки — Н. И. Кокшарова и А. В. Гадолина (1892), интереснейшее описание жизни крупного естествоиспытателя и минералога, архиепископа Нила (1898), биографические очерки почвоведов — Н. М. Сибирцева (1900), В. В. Докучаева (1904), К. Д. Глинки (1927) и другие. Особенно проникновенно прекрасное описание В. И. творчества Ломоносова и его роли в минералогии и геологии (1901).

Хороши прекрасные биографические очерки русских минералогов и геологов: А. Е. Арцруни, Б. А. Лури, П. К. Алексата, Я. В. Самойлова, Ф. Н. Чернышева, П. А. Земятченского и многих других.

Наконец, особенно блестящи и заслуживают особого внимания отдельные написанные им главы из истории науки — «Кант и естествознание в XVIII в.» и «Очерки по истории естествознания в России в XVIII в.», очерк 1, 1914.

Среди тех исторических фигур, которые играли особую роль в творчестве В. И., всегда он вспоминал академика Бэра, которому посвятил прекрасный очерк (1927). Наконец, почти перед смертью он закончил очерк о Гете как естествоиспытателе и мыслителе⁸.

Особенно тепло отзывался В. И. о друзьях своей молодости — об С. Ф. Ольденбурге, с которым его связывала долгая и прекрасная дружба, о талантливом, положившем начало созданию знаменитого Батумского ботанического сада, ботанике и географе А. Н. Краснове, которого В. И. необычайно ценил.

Надо надеяться, что все эти работы исторического характера в будущем будут объединены исторической мыслью и помогут нарисовать картину истории естествознания последних 50 лет.

Но что особенно важно во всех этих исторических очерках В. И., это основная мысль, которая всегда проходила через его изложение — роль личности в науке, роль человека в истории естествознания, роль творческой мысли, создавшей и новых

людей, и новые живые идеи. Эта мысль всегда проходила красной нитью через исторические работы В. И., выявляя черты человека как основной действенной силы человечества.

В одном из писем ко мне из Италии В. И. писал о роли музея в истории науки. Его увлекала красота не только научной мысли, но и красота творческих идей, когда он писал мне о том огромном впечатлении, которое на него произвели Кампо-Санто в Генуе и дивная красота Пизы.

При этом он вспоминал ту огромную историческую роль, которую сыграли в естествознании и в истории культуры отдельные исторические музеи мира. Из всех музеев он особенно ценил, конечно, знаменитый Лувр, в частности залы Египта и Греции. За последние годы он много раз рассказывал о замечательной постановке музея «Jardin des Plantes» в Париже, а поднимаясь по прекрасной лестнице Пражского музея, он, как естествоведец, говорил: «Мы историки природы и должны учиться у историков глубоким историческим методам понимания прошлых судеб человечества».

5. В. И. ВЕРНАДСКИЙ КАК ПОПУЛЯРИЗАТОР НОВЫХ ИДЕЙ

Несколько указаний надо сделать по поводу популярных работ В. И. Надо сказать, что, вообще, В. И. не любил и в основном даже не умел писать в чисто популярной форме; его мысль всегда была чужда той чистой популяризации, которая передает чужие мысли и работы в простой, доступной форме.

Такие классические книжки, как «Жизнь растений» Тимирязева или некоторые выступления его ученика — прекрасного оратора и популяризатора Я. В. Самойлова, были чужды натуре В. И. Больше того, он иногда несколько нападал на Самойлова⁹ и, в особенности, на меня за то, что мы слишком увлекаемся популярными докладами, что это и мешает чисто научной, экспериментальной работе.

Тем не менее целый ряд работ В. И., несомненно, стоит на границе популярного знания и представляет огромный научный и исторический интерес. Таковы прежде всего его прекрасные работы в журнале «Природа», который В. И. особенно любил, ценил и в котором с любовью печатался. Таких статей мы насчитываем свыше 15, и среди них заслуживают особого внимания прекрасные статьи памяти А. Н. Краснова (1916), «Химические элементы земной коры» (1922), «Ход жизни в биосфе-

ре» (1925), «Бактериофаг и скорость передачи жизни» (1927), «Задачи минералогии в нашей стране» (1928), «Эволюция видов и живое вещество» (1928), «О классификации и составе природных вод» (1929), «Водное равновесие земной коры и химические элементы» (1932) и некоторые другие.

Здесь относятся также интересные очерки В. И. в журнале «Русская мысль» за 1911 г. («Радиевые институты», «На границе живого») и в «Русских ведомостях» — по вопросам радиоактивности и по вопросам высшей школы (1911—1913).

Весьма интересны прекрасные статьи В. И. на французском языке, напечатанные преимущественно в Париже, в журнале «Revue générale des sciences»; они, несомненно, сыграли огромную роль во французской научной литературе и подняли на большую высоту значение В. И. как ученого во Франции. Назовем из них наиболее ценные работы, которые частично вошли в его «Биогеохимические очерки» (1940), но которые до сих пор большинству из нас известны лишь во французском тексте: работа о биогеохимии моря (1924), автотрофность человечества и особенности биогеохимических процессов (1925), ряд статей о размножении в биосфере (1926), рассеяние химических элементов (1927), размножение жизни (1928), явления жизни и новая физика (1930), появление жизни на земле (1932), проблема времени (1932).

Нет никакого сомнения, что именно эти, в лучшем смысле популярные очерки В. И. вместе со статьями в журнале «Природа» и «Русская мысль» должны быть скорее перепечатаны с дополнениями и примечаниями. Они сделаются блестящим примером лучших популярных статей.

Как видно из далеко не полного нашего обзора, В. И. очень внимательно относился к этому, как он говорил, особому типу научной работы. Он ценил возможность в каком-либо широко научном журнале печатать свои основные идеи и мысли, причем говорил, что это важно не столько для журнала, сколько для самого ученого, как бы продолжающего свои мысли на его столбцах.

Эта мысль имеет важное значение для журнала «Природа», который мог бы превратиться в нашей стране в такой центр научной общей мысли, и следует надеяться, что редакция этого журнала, идя по пути В. И., сумеет подняться на ту большую научную высоту, которую журнал «Природа» занимал в первое десятилетие своего существования (1912—1925).

6. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ В. И. ВЕРНАДСКОГО

Таковы основные черты В. И. Вернадского как ученого и мыслителя, но они — лишь первая канва его биографии, только начало исторического анализа его жизненного пути.

В основу разработки истории его жизни и творчества должны быть положены следующие данные.

1. Чисто биографические и частью автобиографические материалы, которые В. И. незадолго до смерти начал приводить в порядок и которые сыграют огромную роль в создании настоящей истории его творчества. Как известно, его огромный многолетний материал накапливался им самим в хронологическом порядке, но систематизация его не была закончена, и эта работа ляжет на многолетнего секретаря В. И. — А. Д. Шаховскую.

2. Личные воспоминания отдельных лиц — учеников и друзей; к сожалению, эти материалы совершенно не объединены, в сложной обстановке революционного и частью военного времени многие из них погибли или забыты; особенно ценны материалы, частично записанные во время специальных заседаний, посвященных памяти В. И., а именно акад. Н. Д. Зелинского, акад. В. Л. Комарова, чл.-кор. А. П. Виноградова, проф. С. П. Попова, Л. Л. Иванова, К. А. Ненадкевича, В. И. Крыжановского, Б. Л. Личкова и др.

3. Мысли и личная переписка В. И. — исключительной ценности материал, на который нужно обратить особое внимание. В. И. любил и легко писал письма. Среди этой переписки мы находим интересные письма, например, его друга и товарища по гимназии, многолетнего неперемненного секретаря Академии наук СССР С. Ф. Ольденбурга, письма В. И. к дочери и сыну, письма многочисленных учеников и т. д. Особый интерес, несомненно, представляют письма В. И. ко мне. Я надеюсь, что их удастся издать с примечаниями, так как они дают блестящую картину русского человека и русского общества на переломе двадцатых годов. В этих замечательных письмах, написанных ко мне в разные годы (1907—1945) и при разных условиях жизни, запечатлены самые сокровенные научные мысли В. И., яркие картины прошлого, любви к родине и к науке. Я выделил около 200 таких писем, которые я бережно хранил почти 50 лет; в них во всей красоте и широте раскрывается гениальная натура В. И.¹⁰

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мой очерк — это только введение к будущей биографии В. И. Вернадского, которую сможет написать лишь коллектив ученых, — так многогранна эта личность, смысл и значение которой будут понятны и освещены только в долгой работе над его архивом, воспоминаниями учеников, письмами, выступлениями, речами, беседами и рассказами о прошлом.

